

В ночь на одиннадцатое марта Слободан почувствовал себя — без всяких видимых причин — лучше. Тупая пульсирующая боль в сердце сгладилась, проявляясь лишь... он не мог точно определить словами этого состояния: и неприятное, и расслабляющее. «Сладкая тянущая боль», — решил он, ибо обычная пунктуальность и самодовлеющая логика ума не позволяли оставлять любое явление в себе или вовне себя без точного определения. Некстати вспомнил последнюю, правда, шесть лет назад, встречу и беседу с Ладиславом Гундуличем, некогда соседом по школьной парте, а теперь известным врачом и профессором университета в Нише.

Далматинец по крови Ладислав, видно в соответствии с национальным характером, мог серьезные вещи говорить с улыбкой, а анекдоты рассказывать с похоронным выражением лица. Слободан не помнил — в каком контексте Ладислав завел разговор об ощущениях удушьяемых людей, но поразился услышанному: человек может повеситься, не имея крюка на потолке, и на батарее отопления, поджав ноги. Казалось бы, что для этого нужно иметь гигантскую силу воли, но Ладислав объяснил, что здесь не помогла бы никакая воля, но все дело в том, что при удушении, как и при замерзании, в организме происходят процессы, активизирующие мозговой центр удовольствия. Поэтому залезшему в петлю вовсе уже и не хочется от нее освободиться... Чудно устроен человек!

Сам неплохо разбиравшийся в медицине, Слободан был удивлен. Но теперь, когда болезнь подступила вплотную, он четко знал: всем в теле человека управляет мозг. Простейший пример — каждый по себе знает: если болит сердце — мозг продолжает исправно работать, а если заломило в голове, то и сердце высккивает из груди...

Отгнав малоприятные воспоминания, Слободан, мысленно поблагодарив сердце за временный покой, удобно устроился на правом боку, взял в руки томик Якшича*, в бессчетный раз прочел наизусть знаемую строфу:

*Тиран казнит нас, позорит женицин,
Посево наших плоды берет.
Сама суди же, будь справедлива,
Да разве может так жить народ!
— Мы погибаем!.. — И погибайте! —
Что ей, Европе! Все нипочем!*

Только ли Европе, извечно ненавидящей православных и вообще славян, всему миру сейчас нипочем, нет дела до Сербии, обкусанной со всех сторон, как оставленный на ночь пасхальный пирог, обгрызенный церковными крысами. Якшич в своих печальных и гневных стихах писал о последних годах четырехсотлетнего османского ига, но тогда была и сбылась надежда: Великая Россия, начиная с осады Азова воеводой Шейниным и юным Петром Первым, за два без малого века в бесчисленных войнах сломала хребет Османской империи и освободила Балканы.

Где та сильная Российская империя? Где великий и могучий Советский Союз, властитель полумира? Правда, зря Иосип Тито с тезкой-генералиссимусом сгоряча горшки побил; СССР это не повредило — укус комара для медведя, а для Югославии это заложило мину замедленного действия. Увы, нет той царской, той советской империи, и некому сейчас защитить Сербию.

Джордж Оруэлл в романе «1984» всего лишь полутором десятков лет ошибся в своем прогнозе: наступлении эры господства избранных над всем миром... Сладкая тянущая боль на несколько секунд снова превратилась в режущие спазмы, но, слава Богу, отпустила. Кто сейчас с Россией считается? Даже не позволили ему съездить в Москву, в институт Бакулева подлечиться. И брат все пороги в русской столице оттопал с просьбами. Не пустили. Это не ему, Слободану, не доверяют. Это в Россию с европейско-американской надменностью нарочито плюют.

А как бы пригодились русские зенитные установки С-300 во время американских бомбежек Белграда? Не та страна, не те люди, нет Черняева с его полком добровольцев. А сербы разве те? — Его же, последнего защитника страны, продали Гаагскому трибуналу, то есть тем же американцам, за миллиард долларов. Ха-ха! Наивные все же славяне. Так им Аме-

---

* Джюра Якшич (1832—1878); строки из стихотворения «Европе»; пер. с сербск.

рика и дала этот миллиард. Сам Слободан некогда стажировался в Штатах по финансовому барышничеству, как он сейчас этот эпизод жизни называл, хорошо заокеанские нравы изучил. Миллиард! Да за пятидолларовую купюру удавятся... Так и получилось: вместо продажной стоимости Слободана даже не дали, а пообещали в десять раз меньше, а остальное пережачли за что-то. За что? — Белградцы, еще не потерявшие голову, злорадствуют: вычли за «томагавки» и бомбы, что потратили на Югославию. Так оно, наверное, и есть. Не те сербы, не те. Весь мир не тот.

И снова Слободан в мыслях вернулся к запрету трибунала на лечение в Москве. Ведь не идиоты же они полные вкупе со Злой Карлой, должны понимать: не сбежать он собирается, а ткнуть кичливую Европу в ее же с Америкой дерьмо, как это сделал Георгий Димитров в процессе о поджоге рейхстага. Хотя сейчас это жест Дон Кихота. Тогда даже фашисты устыдились своей провокации и отпустили главу Коминтерна, но кто такие гитлеровцы по сравнению с сегодняшними силами мирового зла? — Взбунтовавшиеся дети-хулиганы, нацепившие повязки со свастикой на коричневые рубашонки и с жестокостью нервических подростков завалившие свою и чужие страны горами трупов. Все видится и оценивается на расстоянии времени.

Главное, все у них просчитано на мегакомпьютерах по направлениям и последовательностям. По европейскому же направлению последовательность устранения самых активных противников началась с Николае Чаушеску, ритуально расстрелянного без суда и следствия. Ибо Николае совершил самое страшное преступление перед силами мирового зла: посадил страну на пустую мамалыгу, но полностью расплатился с долгами Америке и Европе. Всякий, кто это делает, получает смертный приговор.

Теперь вот до него добрались. Отсюда он не выйдет иначе как на тот свет. И уже оповещено на весь этот свет: следующим «последним диктатором в Европе» будет белорусский вождь Лукашенко. Жаль, что жить отпущено по крохам, а любопытство профессионального политика снедает: какой сценарий готовится под Лукашенко? — Учитывая интересы России. К сожалению, и здесь выход будет найден.

Слободан полуоткинулся на спину, высвобождая затекшую правую руку и судорожно вдохнул воздух; он понял: остановилось сердце. Эти три-четыре секунды показались вечностью, от пяток выше по ногам пополз ледяной холод. Все. Конец. И тут он почувствовал, как громко, ударом молота по наковальне сердце воскресло и, постепенно разгоняясь, вошло в норму, вернее, в привычный для большого человека ритм. Пронесло.

Сердце побаливало уже за десяток лет, да давление скакало по погоде. Но до «скорой» не доходило: таблетку энаприла, а через час по таблетке же аспаркама и рибоксина. Причем энаприл использовал только свой, словенской фармфабрики, правда, за эти десять лет пришлось увеличить дозировку от пяти до двадцати миллиграмм. А что здесь ему дают? — Бог знает. Да еще издевательски медсестра, чем-то похожая на Злую Карлу, и надзиратель требуют проглатывать снадобье в их присутствии, чтобы не спустил в унитаз. Как будто он стремится ускорить конец своей земной жизни... Может, и правда, эти западники искренне полагают его преступником, для которого самоубийство — единственный выход?

Слободан усмехнулся; вот тебе прямо по Гегелю — Марксу: единство и борьба противоположностей! Действительно, только двум человекам не нужна его скорая смерть: ему самому, чтобы уткнуть западников понятно куда, и Карле — для ее прокурорской реабилитации. Ибо на ней уже висят два «русских» проигранных дела: союзного секретаря России и Белоруссии Павла Бородина и главаря солнцевской бандитской группировки Михайлова-Михася. Если рухнет из-за смерти Слободана и трибунал по бывшей Югославии, издевательски нареченный международным, то это конец карьеры Карлы. Придется ей остаток трудоспособных лет проскучать окружной прокуроршей в глухом швейцарском кантоне...

Югославия. Из предыдущей его мысли четко выкристаллизовывалось только имя его бывшей страны. Ведь, несмотря на трагизм Второй мировой и некоторую двусмысленность положения в соцлагере, это была страна европейского уровня, даже одна из восьми в мире государств строила свои подводные лодки! Даже не в том дело, что Иосип Тито был хорватом и многое делал в ущерб сербам... Нет, не в этом дело, Тито являлся выдающимся коммунистом и руководителем страны, но вот какое-то его навязчивое желание самостоятельности Югославии? Даже получая в Кремле от Брежнева ордена Ленина и Октябрьской революции, неизменно заявлял: *«Будучи независимым и самостоятельным фактором вне блоков, политика неприсоединения, которой мы глубоко и прочно привержены...»* И так далее. Это Слободан хорошо помнил, хотя слышал эти речи по белградскому радио тридцать лет назад.

А что это изменило и в мировой истории, и в судьбе родной страны, если бы два Иосифа не поругались, а Тито ездил каждое лето с отчетом в Сочи или Крым к Самому, потом к Никите и Ильичу Второму? Да ровным счетом ничего, пожалуй. Ход этой самой истории неумолим.

Но почему-то все пробные свои ходы она начально опробывает на славянах, особенно не везет здесь русским и сербам, двум православным народам. Боже, что и твои, и наши враги-антихристы сотворили с сербами?! — Четыреста лет османского ига, настоящего, не русско-татарско-монгольского союза, хотя тоже на крови немалой. Происки Европы... И как результат — растащили Великую Сербию по трем религиям. Но опять же не католикам-хорватам, не мусульманам-боснийцам, а православным сербам западный мир ставит в вину все свои же прегрешения. Сколько же лет, десятков лет пройдет, прежде чем история начнет новый свой виток, снова Великая Россия и Сербия станут социальными, бесклассовыми государствами? Не было дано Слободану ответить самому себе на этот вопрос. Сердце остановилось.

***

Душа Слободана отлетела от тела и сорок дней металась над осколками страны, дважды воссозданной после мировых войн XX века. Да, потянулись к брезгливой Европе Словения и Хорватия; мечутся Босния и Македония; темные силы отталкивают от Сербии последнего союзника — Черногорию. Бестелесные слезы проливал он над расчлененной Сербией, уже без Сербской Краины и прародины Косова поля с тысячью взорванных албанцами монастырей и церковей.

На сороковой день душа великого воина Югославии, последнего рыцаря Европы прибыла к воротам Царства Небесного. Апостол Петр уважительно приветствовал новоприбывшего и отворил ворота. Проводить Слободана вышел сам Архистратиг Михаил. Из православных душ доселе только четверо удостоивались такой чести: князя Александр Невский, Дмитрий Донской и два русских генералиссимуса.

Скоро миновав рай католический с гигантским подземным чистилищем, они подошли к необъятному православному раю, стены которого вправо и влево терялись за горизонтом. Архистратиг Михаил отворил двери рая и напутствовал входящего:

— *Шествуй в вечность, Святой Великомученик Слободан!*

